**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (73)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Тишкин А.А., д.и.н., Алтайский ун-т;
Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Грушин С.П., д.и.н., Алтайский ун-т; Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Куфтерин В.В., д.б.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН;
Лычагина Е.Л., д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический ун-т;
Мыльникова Л.Н., д.и.н., ИАЭТ СО РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция); Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН; Шорин А.Ф., д.и.н., ИИиА УрО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (73)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insnitiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Grushin S.P., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russia)
Kufterin V.V., Doctor of Biology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Lychagina E.L., Doctor of History, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia)
Mylnikova L.N., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
Shorin A.F., Doctor of History, Institute of History and Archaeology UB RAS (Yekaterinburg, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-73-2-6 EDN: JGRXZS
УДК 902.01

Серегин Н.Н. [1*], Матренин С.С. [2], Степанова Н.Ф. [3]

[1] Алтайский государственный университет, nikolay-seregin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
[2] Алтайский государственный университет, matrenins@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7752-2470
[3] Институт археологии и этнографии СО РАН, nstepanova10@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

НАБОРНЫЙ ПОЯС ЭПОХИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Аннотация. *Статья посвящена введению в научный оборот, анализу и интерпретации оригинального наборного пояса, обнаруженного в ходе раскопок одного из объектов некрополя Горный-10. На данном памятнике, расположенном в Красногорском районе Алтайского края, экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. исследованы 75 грунтовых погребений начала раннего средневековья. Более трети объектов некрополя содержали металлические детали наборных поясов. В этой серии выделяется комплект из могилы 23, в которой находилось одиночное непотревоженное захоронение пожилого человека. Анализируемый наборный пояс включал железный крюк-застежку, бронзовые литые бляхи-накладки округлой (5 экз.) и четырехугольной (9 экз.) формы без прорезей, а также подвесной наконечник с ложечковидным абрисом. Судя по актуальнм аналогиям из памятников начала раннего средневековья, данный комплект был изготовлен во второй половине VI — начале VII в. н.э. Это заключение в целом подтверждается результатами радиоуглеродного анализа. Наборный пояс относится к весьма редким и архаичным для эпохи средневековья образцам, не имеющим прототипов в местной культурной среде эпохи Великого переселения народов. Установлено, что определяющее влияние на генезис рассматриваемого комплекта из северных предгорий Алтая оказала традиция изготовления ременных гарнитур, получившая распространение у группы тюрок или близких им племен в период существования Первого каганата.*

Ключевые слова: Алтай, наборный пояс, некрополь, раннее средневековье, хронология, социальная интерпретация.

Финансирование. Культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлена в рамках проекта РНФ №25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — Средневековье)», https://rscf.ru/project/25-18-00775/ (Серегин Н.Н.). Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» (Степанова Н.Ф.).

Цитирование: Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Наборный пояс эпохи Первого Тюркского каганата из Северного Алтая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 2. С. 69–79. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-73-2-6

Введение

На протяжении раннего средневековья народы Западной Сибири широко использовали наборные пояса, которые были сформированы под влиянием традиций материальной культуры племен Центральной Азии, а также отражали региональные особенности изготовления данного элемента снаряжения. Особым периодом в этом плане, демонстрирующим активное взаимодействие различных культурных компонентов, является эпоха Первого Тюркского каганата (вторая половина VI — начало VII в. н.э.). При этом известная немногочисленность археологических материалов данного времени определила фрагментарность сложившихся представлений о наборных поясах. Отдельные особенности функциональных и декоративных ременных гарнитур из объектов раннесредневековых тюрок Алтая эпохи Первого каганата в контексте реконструкции комплектов с «геральдическими» элементами представлены в работах В.А. Могильникова [1981, рис. 23, *6, 7*] и В.Н. Добжанского [1990, табл. XXV, *1, 2*] на основе находок из могильника Кудыргэ. Имеется опыт интерпретации изделий из памятников верхнеобской и релкинкой культур Приобья [Добжанский, 1990, табл. XXXI, *4, 5*; Троицкая, 1996; Троицкая, Новиков, 1998, с. 47–56]. Некоторые наблюдения о составе поясных наборов в захоронениях начала раннего средневековья из некрополей Алтайской лесостепи сделаны в рамках анализа предметного комплекса из некрополей Осинки [Савинов и др., 2008, с. 25–26], Страшный Яр-1 [Тишкин и др., 2018] и Чумыш-Перекат [Грушин и др., 2020]. Результаты этих исследований показывают существование у населения юга Западной Сибири в эпоху

* Corresponding author.

Первого Тюркского каганата разных модификаций наборных поясов, среди которых наименее изученными являются комплекты с редкими декоративными элементами, вышедшие из употребления после середины VII в. н.э. Кроме того, в данном контексте остается открытым вопрос о роли в сложении ременных гарнитур у населения предгорной зоны Алтая южной («горно-степной») и северной («южно-таежной») культурных традиций.

Большое значение для решения обозначенных проблем, а также для расширения корпуса источников эпохи Первого Тюркского каганата имеют материалы ряда объектов некрополя Горный-10 (Северный Алтай). В настоящей статье представлены результаты изучения весьма редкого и архаичного для раннего средневековья поясного набора, найденного в одном из захоронений данного комплекса.

Характеристика источников

Некрополь Горный-10 расположен в Красногорском районе Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западо-северо-западу от устья р. Карагуж (рис. 1). В 2000–2002 гг. значительная часть памятника была исследована экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой. Среди раскопанных 75 объектов данного комплекса преобладали непотревоженные грунтовые захоронения (какие-либо свидетельства наличия наземных конструкций не выявлены), совершенные по обряду одиночной ингумации с разнообразным сопроводительным инвентарем, показательным для второй половины VI — VII в. н.э. [Серегин, Степанова, 2021; Серегин и др., 2025а; Seregin et al., 2022; и др.].

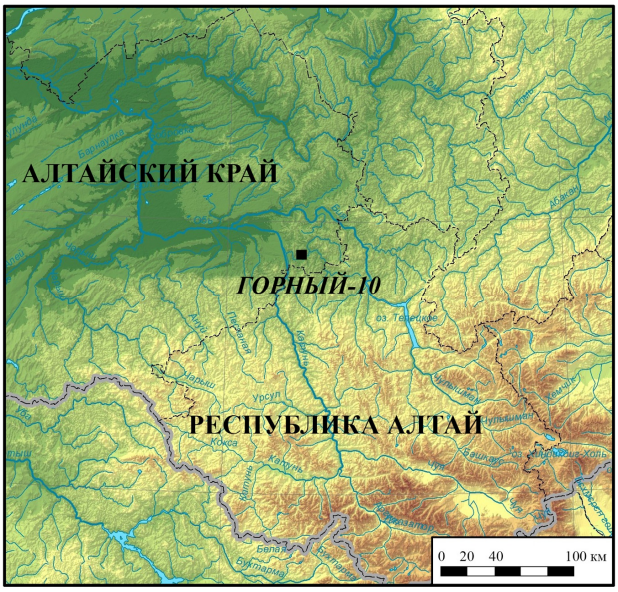

Рис. 1. Карта-схема расположения некрополя Горный-10.
Fig. 1. Map of the location of the Gorny-10 necropolis.

Более трети погребений некрополя содержали металлические детали наборных поясов, представленные различными модификациями пряжек, блях и наконечников ремней. В сформированной серии выделялся достаточно необычный по составу комплект с хорошо документированным расположением гарнитур, зафиксированный в могиле 23.

Обозначенный объект был исследован в 2001 г. в сильно разрушенной современными перекопами юго-западной части раскопа, заложенного в центре и на краю береговой террасы, вдоль западной кромки силосной ямы. Пятно могилы прослежено с глубины 0,47 м от современной поверхности в слое светло-серого суглинка, который оказался заполнением жилища. Грунт ямы по составу был аналогичен верхней части культурного слоя поселения раннего железного века. Установлено, что могила имела прямоугольную форму (длина — 1,68 м, ширина — 0,58 м) и была ориентирована продольной осью по линии северо-запад — юго-восток. Ее глубина от уровня современного горизонта составила 0,57 м, от материка — 0,1 м. На дне могилы выявлено непотревоженное захоронение мужчины 50–55 лет (антропологические определения осуществлены к.и.н. С.С. Тур), уложенного вытянуто на спине и ориентированного головой на северо-запад (рис. 2*А*). У покойного отсутст-

вовали стопы ног и нижняя часть левых берцовых костей. В процессе расчистки и разборки посткраниального скелета в нижней части грудной клетки и под поясничными позвонками удалось документировать размещение фрагментов кожаной основы наборного пояса с железным крюком-застежкой плохой сохранности (лежал у левого локтя), бронзовыми[1] бляхами-накладками — девятью четырехугольными (рис. 2*Б*, *1–9*; 3, *1–9*) и пятью округлыми (рис. 2*Б*, *12–16*; 3, *10–14*), а также ложечковидным наконечником с «внутренними» шпеньками (рис. 2*Б*, *17*; 3, *15*). Последний лежал выше левого крыла таза перпендикулярно позвоночнику, носиком в сторону левой руки и, судя по всему, крепился к узкому подвесному ремешку.

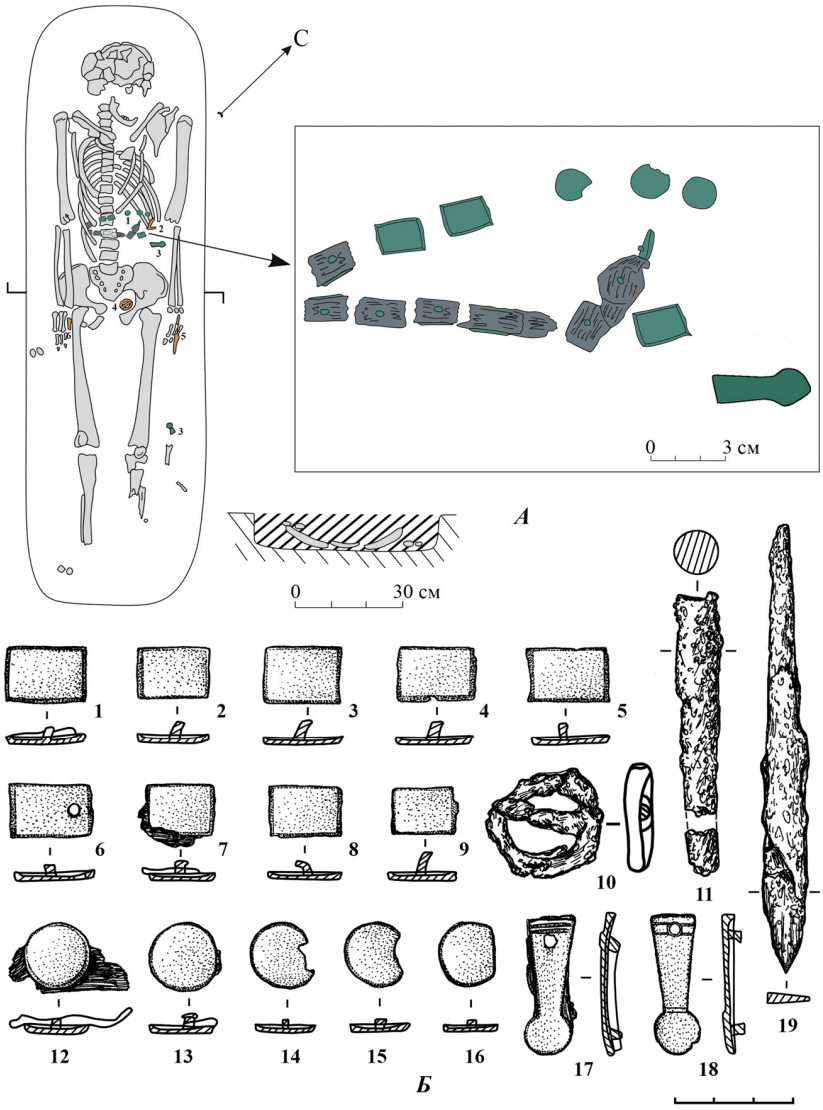

Рис. 2. Некрополь Горный-10, могила 23:
А — план погребения (1 — бляхи-накладки; 2 — крюк-застежка; 3 — наконечники ремней; 4 — пряжка; 5 — нож; 6 — фрагмент орудия) и схема размещения блях-накладок наборного пояса;
Б — сопроводительный инвентарь (1–9, 12–18 — цветной металл; 10, 11, 19 — железо).

Fig. 2. The Gorny-10 necropolis, grave 23:
А — burial plan (1 — plaques; 2 — hook clasp; 3 — belt tips; 4 — buckle; 5 — knife; 6 — tool fragment) and diagram of the arrangement of plaques of the plated belt; *Б* — accompanying inventory (1–9, 12–18 — non-ferrous metal; 10, 11, 19 — iron).

Остальной сопроводительный инвентарь из рассматриваемого погребения представлен немногочисленными предметами. Под крестцом умершего человека обнаружена железная пряжка с подвижным язычком (рис. 2*Б*, *10*) от второго пояса, к которому, вероятно, присоеди-

[1] Анализ состава сплава не проводился.

нялся подвесной ремешок с бронзовым наконечником ложечковидной формы (рис. 2*Б*, *18*), найденный возле левого колена. Расстояние от него до пряжки составляло 35 см. Под левой кистью лежал железный короткоклинковый нож (рис. 2*Б*, *19*), а между правой кистью и головкой правого бедра — железное орудие в виде стержня (рис. 2*Б*, *11*).

Анализ и интерпретация материалов

Хорошая и удовлетворительная сохранность металлических изделий из могилы 23 некрополя Горный-10 позволила провести морфологический анализ находок, а также сопоставить их с известными материалами из памятников Северной и Центральной Азии для установления датировки предметов, а также расширения представлений о развитии снаряжения населения Алтая в начале раннего средневековья. В контексте хронологической интерпретации публикуемого комплекса наиболее показательными являются декоративные ременные гарнитуры поясов.

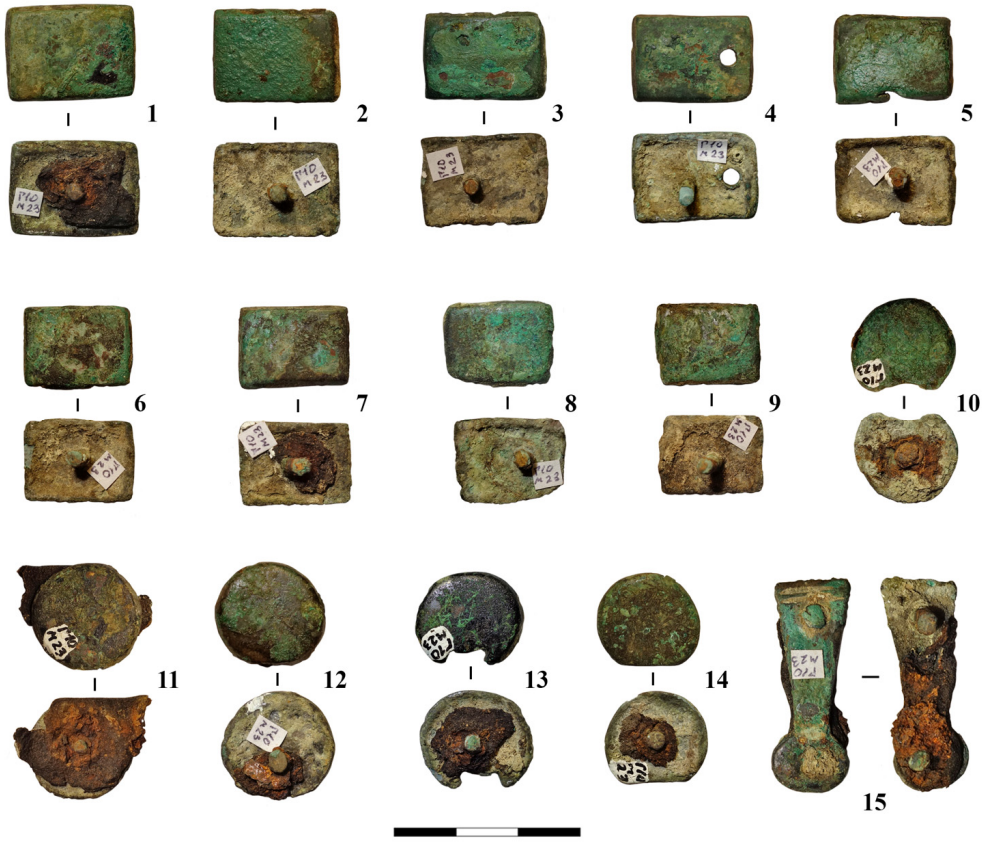

Рис. 3. Элементы наборного пояса из могилы 23 некрополя Горный-10 (цветной металл).
Fig. 3. Elements of the plated belt from grave 23 of the Gorny-10 necropolis (non-ferrous metal).

Входящие в наборный пояс девять блях четырехугольной формы (размеры 1,5–1,9×1,2–1,4 см) были выполнены из литых цельных пластин (рис. 2Б, *1–9*; 3, *1–9*), сделанных из бронзового сплава. Данные изделия имели цельные «внутренние» шпеньки, отлитые вместе с корпусом, которые вставлялись в отверстия в кожаном ремне. Шпеньки фиксировались на органической основе путем расклепывания на ремне. Судя по отмеченным на большинстве изделий окислам, для более надежного крепления шпеньков могли использоваться железные шайбы. Кроме того, у одной бляхи (рис. 2*Б*, 6; 3*Б*, 4) в корпусе было проделано сквозное отверстие, с помощью которого она дополнительно пришивалась на ремень. Обозначенные предметы имеют ближайшие аналогии в раннетюркском комплексе Усть-Бийке-III (курган № 5) на Алтае, отнесенном авторами раскопок ко второй половине V — первой половине VI в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 143, рис. 24, *3–7*]. Типологически близкий экземпляр без прорезей происходит из оградки 9 памятника Красная Горка-3 в Туве [Килуновская и др., 2017, рис. 58, *1*], датирующейся, судя по имеющимся сведениям, в рамках второй половины VI — первой половины VII в. н.э.

Для уточнения хронологии блях рассматриваемого типа важным является крепление посредством шпеньков, отлитых либо припаянных к тыльной поверхности корпуса без намеренного выступания их на лицевую сторону предмета. Такой способ фиксации ременных гарнитур известен в широкой полосе Евразии не ранее середины — второй половины VI в. н.э. [Генинг, 1979, с. 104; Богачев, 1992, с. 155–157]. Принимая во внимание эти наблюдения, бронзовые четырехугольные бляхи из некрополя Горный-10 представляется возможным отнести ко второй половине VI — первой половине VII в. н.э. Данные изделия, по-видимому, стали прототипом для достаточно редких непрорезных блях вытянуто-четырехугольной формы, использовавшихся тюрками Алтае-Саянского региона во второй половине VII — первой половине VIII в. н.э. [Овчинникова, 1990, рис. 23, *4*; 2013, табл. XII, *22*; Кубарев, 2005, с. 51; рис. 13, *4*; табл. 138, *4–11*], племенами Томского Приобья в конце VI — VII в. н.э. [Чиндина, 1977, с. 77; рис. 33, *18*], а также в более позднее время (середина IX — начало XI в. н.э.) — населением сросткинской культуры Алтайской лесостепи [Савинов, 1998, с. 177; табл. VI, *1*].

Бронзовые литые бляхи-накладки из могилы 23 в виде плоской фигуры с округлым гладким абрисом (диаметр 1,6–1,7 см) и слегка скошенным контуром имели цельно изготовленные «внутренние» шпеньки (5 экз.) (рис. 2*Б*, *10–14*; 3*Б*, *10–14*), которые фиксировались путем расклепывания на ремне. Данные предметы также являются показательным элементом декора поясов начала раннего средневековья.

Необходимо отметить, что в рассматриваемом памятнике аналогичные экземпляры зафиксированы в большом количестве могил, при этом как в составе наборных поясов, так и в качестве украшений суголовий верхового коня. По поводу датировки и генезиса плоских круглых блях в литературе сформулированы разные точки зрения. По утверждению В.Б. Ковалевской [1990, с. 42, 43; рис. 3, *1–5*], они появились в VI–VII вв. н.э. в Северном Причерноморье и на Кавказе и почти полностью вышли из употребления в VIII–IX вв. н.э., но сохранились в большом количестве у населения того же времени Приуралья[2] и Сибири. Исследователь высказала мнение, что круглые бляхи распространились с запада сначала в Башкирию, где на их основе были сформированы локальные типы изделий, и далее — в Приаралье, Западную Сибирь, Казахстан, Алтай и Туву. Другая версия происхождения круглых блях изложена Т.Г. Горбуновой [2003, рис. 5, *5–7*]. Она вывела линию их развития на Алтае от местных накладок эпохи Великого переселения народов, на основе которых были разработаны круглые плоские и полусферические раннетюркские украшения второй половины V — первой половины VII в. н.э. без декора.

Результаты современных исследований имеющихся вещественных источников свидетельствуют, что плоские круглые бляхи-накладки без орнамента на Алтае не имели местной основы для формирования и появились здесь в сложившемся виде не ранее середины VI в. н.э. у населения, оставившего комплексы с «геральдическим» металлом[3]. В обозначенном контексте важно отметить, что у племен булан-кобинской культуры Алтая отсутствовал традиция производства литых бронзовых блях с цельным шпеньком, а кроме того, неизвестна пока практика использования плоских накладок округлой формы для декорирования поясов. Данные изделия, применявшиеся исключительно для украшения ремней узды [Гаврилова, 1965, табл. XV, *9*; Горбунова, 2010, рис. 32, *1, 5*], практически не известны в материальной культуре тюрок после середины VII в. н.э. Похожие бляхи в других регионах Западной Сибири происходят преимущественно из памятников конца VI — VII в. н.э. [Чиндина, 1991, рис. 13, *18*; 28, *3*; 29, *5*; Троицкая, Новиков, 1998, с. 57, рис. 26, *17, 30*; Илюшин, 1999, рис. 18, *9*; 31, *38, 39*; Горбунов, Рудометов, 2003, с. 54, рис. 1, *16–20, 24, 27, 28*], хотя, впрочем, встречены и в более поздних комплексах, второй половины VIII — первой половины X в. н.э. [Савинов, 1998, табл. III, IX; Горбунов, 2009, с. 124, 126; Кассал, Конников, 2018, рис. 1, 3]. Близкие по форме ременные украшения присутствуют в Согде на изображениях фресок Пенджикента, относящихся к периоду не раньше V — начала VI в. н.э. и не позже VIII в. н.э. [Распопова, 1980, с. 98, 102; рис. 71]. С учетом представленных данных, а также принимая во внимание сведения о хронологии других объектов некрополя Горный-10 с похожими гарнитурами, округлые бляхи-накладки без орнамента для северных предгорий Алтая наиболее предпочтительно датировать в рамках второй половины VI — второй трети VII в. н.э.

---

[2] Данное наблюдение подтверждают более современные результаты изучения массового материала из Прикамья и Среднего Поволжья [Багаутдинов и др., 1998, рис. 16, *8*; Голдина Р.Д. и др., 2018, табл. 370, *4*; 434, *70*; Белявская, 2023, рис. 70, *23*].

[3] По мнению П.П. Азбелева [2009, с. 38], «кругло-бляшечные» пояса были ведущим типом во времена Первого Тюркского каганата и выступали одним из элементов государственной культуры рода Ашина, находившегося во главе тюркской державы.

Бронзовые наконечники подвесных ремешков из могилы 23 некрополя Горный-10 изготовлены из прямой монолитной пластины ложечковидной формы (размеры 3,4–3,5×1,2–1,3 см) со слегка скошенными боковыми сторонами, с резным декором в виде насечек и со шпеньками-фиксаторами (рис. 2*Б*, *17, 18*; 3, *15*). Установлено, что у данных изделий шпеньки были изготовлены отдельно, вставлены в сквозные отверстия и для закрепления расклепаны на лицевой стороне корпуса. К кожаной основе пояса наконечники крепились также путем расклепывания. Рассматриваемые металлические гарнитуры относятся к образцам, имеющим серию актуальных датированных аналогий в памятниках Северной Азии. Ранние их экземпляры (главным образом в хронологических рамках второй половины VI — VII в. н.э.) происходят из Алтайской лесостепи, Предсалаирья, Новосибирского и Томского Приобья [Чиндина, 1977, рис. 6, *23*; 33, *1*; Троицкая, Новиков, 1998, с. 56; табл. 8; рис. 26, *32*; Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1, *21–23*; и др.]. Более поздние (вторая половина VII — первая половина IX в. н.э.) изделия такого облика зафиксированы в Юго-Восточном Алтае, Омском Притышье, Ишимо-Иртышском междуречье и Южном Приуралье [Кубарев, 2005, табл. 66, *4*; Матвеева, 2016, с. 190–191, рис. 69, *17*; Кассал, Коников, 2018, с. 69–70; рис. 1, 3; Константинов, Серегин, 2021, с. 235, рис. 4, *1*; Матвеева и др., 2021, с. 97; рис. 1, *22–26*; и др.]. Судя по имеющимся материалам, похожие ложечковидные наконечники бытовали в широких рамках второй половины VI — начала VIII вв. н.э. Учитывая, однако, контекст обнаружения данных предметов в объектах некрополя Горный-10, преимущественно с ременными гарнитурами геральдического облика, очевидно, временем их активного использования населением северных предгорий Алтая следует считать вторую половину VI — первую половину VII в. н.э. Для рассматриваемого региона и юга Западной Сибири такие наконечники можно интерпретировать в качестве местных геральдических дериватов от более ранних ложечковидных наконечников ремней с выпуклым корпусом, подобных тем, что обнаружены на Алтае в раннетюркских комплексах Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XIV, *8*] и Шибе-II (неопубликованные материалы раскопок Ю.Т. Мамадакова).

Поясная железная пряжка из могилы 23, оснащенная подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки без щитка (рис. 2*Б*, *10*), с точки зрения уточнения датировки объекта в рамках эпохи средневековья не информативна [Овчинникова, 1990, с. 24–30, рис. 21, *1–9*]. При этом следует отметить, что в имеющейся серии изделий из некрополя Горный-10 такие предметы входили в состав простых и наборных поясов, в том числе оснащенных ременными гарнитурами из художественного металла, характерными для второй половины VI — VII в. н.э. Железный крюк-застежка в связи с крайне плохой сохранностью (утрачен в процессе расчистки захоронения) также не имеет морфологических особенностей оформления, показательных для хронологической интерпретации.

Железный короткоклинковый (менее 12 см) нож со слегка выгнутой спинкой и прямым черенком (рис. 2*Б*, *11*) для отдельно изготовленной деревянной или костяной (роговой) рукояти относится к широко распространенному типу бытовых изделий, существовавших на протяжении длительного времени у многих народов Евразии в эпоху средневековья [Серегин и др., 2025b, с. 107]. Функциональная и хронологическая атрибуция обнаруженного в могиле 23 фрагмента орудия в виде стержня длиной 7,5 см и диаметром 1,1 см (рис. 2*Б*, *11*) является проблематичной.

Обсуждение результатов

Изучение археологических материалов, полученных в ходе раскопок непотревоженного захоронения из могилы 23 некрополя Горный-10, позволяет сделать вывод о наличии у покойного двух поясов.

Наборный пояс был оснащен железным крюком-застежкой, бронзовыми литыми бляхами-накладками округлой (5 экз.) и четырехугольной (9 экз.) формы без прорезей, а также подвесным наконечником с ложечковидным абрисом. Принимая во внимание документированное размещение предметов, имеем основания предположить, что четырехугольные бляхи фиксировались на ремень преимущественно со спины, тогда как круглые бляхи располагались «спереди». Судя по результатам анализа сохранившихся металлических гарнитур, рассматриваемый наборный пояс относится к числу весьма редких образцов снаряжения племен Алтая второй половины VI — начала VII в. н.э., не имеющих прототипов в местной культурной среде эпохи Великого переселения народов и появившихся в регионе с приходом новой группы населения. По составу элементов наиболее близкий пояс с четырехугольными бляхами на «внутренних» шпеньках обнаружен в раннетюркском погребении в Северном Алтае [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 77, *1*], которое, на наш взгляд, можно датировать серединой VI в. н.э. Весьма необычной чертой сравниваемых комплектов является присутствие в них крюков-застежек, использовав-

шихся кочевниками Алтая в поздней древности и средневековье в конструкции стрелковых (саадачных) поясов, при этом всегда без блях и наконечников ремней [Кубарев, 1998, с. 191–197; Матренин, 2017, с. 8–9]. В целом, материалы рассматриваемого комплекса отражают начальный этап использования на Алтае плоских блях-наладок с округлым абрисом в конструкции наборных поясов в период Первого Тюркского каганата, а кроме того, демонстрируют практику «перенесения» данных украшений ремней из конской узды (такая ситуация представлена наиболее последовательно в материалах некрополя Кудыргэ) на снаряжение человека.

Обнаруженный в могиле 23 второй пояс (представлен железной пряжкой и бронзовым ложечковидным наконечником ремня) также представляет собой сравнительно редкий по составу образец снаряжения раннего средневековья. При этом следует отметить, что практика помещения с умершим человеком двух поясов достаточно часто фиксируемая в погребениях некрополя Горный-10, отражает использование одного из ремней для ношения колчана и налучья. Вместе с тем нельзя исключать, что данный «неполный» набор мог выступать символическим воплощением целого комплекта, отражающим реализацию определенных мировоззренческих представлений в контексте погребального ритуала.

Датировка могилы 23 некрополя Горный-10 в рамках второй половины VI — начала VII в. н.э., основанная на предполагаемом времени изготовления наборного пояса, в целом подтверждается результатами радиоуглеродного анализа образца. Эта работа была проведена в лаборатории 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания). Приводимые калибровочные показатели получены при использовании программы RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV8.20. Получены следующие данные: UBA-45625; радиоуглеродный возраст — 1548 ± 35; календарный возраст — по 1σ (68,3 %) 436–573 AD, по 2σ (95,4 %) 431–593 AD.

Отдельно следует отметить неоднозначность социальной интерпретации публикуемого объекта. С одной стороны, известна «престижность» наборного пояса, причем обнаруженный в могиле 23 комплект имел довольно редкие характеристики. Вместе с тем остальной сопроводительный инвентарь захоронения оказался весьма скромным (пряжка и наконечник второго пояса, нож и железное орудие) и характерным для основной массы рядового населения. Весьма необычным является полное отсутствие в погребении предметов вооружения, в том числе лука и стрел, зафиксированных в могилах всех взрослых мужчин на некрополе Горный-10 [Серегин и др., 2025а]. Не исключено, что состав инвентаря обусловлен пожилым возрастом умершего мужчины, определявшим специфику его прижизненного статуса.

Заключение

Изучение металлических деталей поясов, обнаруженных в могиле 23 некрополя Горный-10, с привлечением актуальных для сравнения материалов из археологических памятников Северной и Центральной Азии периода раннего средневековья стало основанием для определения датировки публикуемого комплекса в рамках второй половины VI — начала VII в. н.э. Данному заключению не противоречат результаты радиоуглеродного анализа, позволяющие даже ограничить предложенную хронологию границами VI столетия. Судя по результатам типологии блях-накладок четырехугольной и округлой формы, публикуемый наборный пояс относится к весьма редким и архаичным для эпохи средневековья образцам, не имеющим прототипов в местной культурной среде эпохи Великого переселения народов. Установлено, что определяющее влияние на генезис рассматриваемого комплекта из северных предгорий Алтая оказала традиция изготовления ременных гарнитур группы, сложившаяся в среде тюрок или близких им племен в период существования Первого каганата. Наборный пояс из могилы 23 может рассматриваться как элемент материальной культуры, бытовавший практически одновременно с геральдическими гарнитурами и не оказавший влияния на формирование украшений поясов общетюркского («катандинского») стиля, получивших распространение со второй трети — середины VII в. н.э. Помимо этого, представленные материалы позволяют рассматривать факт экстраполяции практики использования круглых блях в декорировании ремней конской узды на традицию украшения поясов. В целом, введенные в научный оборот источники являются достаточно информативными, позволяя уточнить хронологическую атрибуцию раннесредневековых археологических комплексов Алтая. Кроме того, они способствуют расширению представлений об эволюции снаряжения народов юга Западной Сибири в контексте межкультурного взаимодействия с центральноазиатскими номадами в третьей четверти I тыс. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев П.П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. Вып 1–2. С. 29–49.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Середней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень XXII век, 1998. 286 с.

Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III — рубежа VII и VIII вв.: Дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2023. 599 с.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: AVA, 1992. 208 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2018. 720 с.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сросткинской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 120–130.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Горбунова Т.Г. Бляхи-накладки конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 10. С. 117–129.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: Методика и некоторые результаты. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекат (Верхнее Приобье) // Вестник Том. ун-та. История. 2020. № 67. С. 128–136. https://doi.org/10.17223/19988613/67/17

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1990. 174 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Кассал Б.Ю., Коников Б.А. Конская узда из Ирчи. Омская область. Эпоха раннего средневековья // Вестник Омск. ун-та. Сер. Ист. науки. 2018. № 3. С. 64–73. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.3.64-73

Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. № 6. С. 151–182.

Ковалевская В.Б. Традиции поясных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 37–46.

Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): Новые материалы к истории тюрок в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 229–248. https://doi.org/10.17223/2312461X/34/14

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 190–197.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2016. 264 с.

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4. С. 91–99. https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 175–190.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Комплекс вооружения населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // РА. 2025а. № 2. С. 82–96. https://doi.org/10.31857/S0869606325020066

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Орудия труда населения северных предгорий Алтая начала раннего средневековья (по материалам некрополя Горный-10) // Вестник Новосиб. ун-та. Сер. Ис-

тория, филология. 2025b. Т. 24. № 3: Археология и этнография. С. 100–114. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-100-114

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 335–344.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Фролов Я.В. Комплексный анализ наборного пояса из самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 235–240.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. № 3. P. 103–112. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.3.103-112

Seregin N.N. [1*], Matrenin S.S. [2], Stepanova N.F. [3]

[1] Altai State University, nikolay-seregin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
[2] Altai State University, matrenins@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7752-2470
[3] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, nstepanova10@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

A composite belt from the period of the First Turkic Khaganate discovered in Northern Altai

Summary. The article presents the results of the analysis of an original composite belt recovered during excavations at one of the objects of the Gorny-10 necropolis, an archaeological site located in the Krasnogorsk District of the Altai Krai. The site was investigated between 2000 and 2002 by expeditions from Altai State University and the Scientific Production Centre “Nasledie”. A total of 75 burials, dating to the Early Middle Ages, were documented at the necropolis. Metal components of composite belts were identified in more than one-third of the excavated features. Among these findings, the assemblage from grave 23 stands out as particularly significant. This grave contained an undisturbed single burial of an elderly individual. The analyzed composite belt comprises an iron hook-fastener, cast bronze plaques (5 round and 9 quadrangular in shape, all lacking slits), and a pendant tip with a spoon-like outline. Based on comparative analysis with relevant analogies from early medieval sites, this assemblage is believed to have been manufactured in the second half of the 6th to the early 7th century AD. This chronological attribution is supported by the results of radiocarbon analysis. The composite belt represents a very rare and archaic example within the context of the Medieval Period, as it lacks prototypes in the local cultural milieu of the Great Migration Period. It has been established that the genesis of this set — originating from the northern foothills of the Altai — was primarily influenced by the tradition of manufacturing belt fittings among Turkic groups or related nomadic populations. This tradition became widespread during the period of the First Khaganate.

Keywords: Altai, composite belt, necropolis, Early Middle Ages, chronology, social interpretation.

Funding. The cultural and chronological interpretation of the published complex was carried out within the framework of the RSF project No. 25-18-00775 “Complex chronology of archaeological sites of Altai (Stone Age — Middle Ages)”, https://rscf.ru/project/25-18-00775/. The processing of excavation materials from the Gorny-10 necropolis was carried out under the research project of the IAET SB RAS No. FWZG-2025-0012.

REFERENCES

Azbelev, P.P. (2009). Tashtyk Belt. In: *Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii.* Gorno-Altaisk, 29–49. (Rus.).

Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. (1998). *Proto-Bulgarians on the Middle Volga (at the Origins of the History of the Volga-Kama Tatars).* Samara: Polden XXII vek. (Rus.).

Bogachev, A.V. (1992). *Procedural and Methodological Aspects of Archaeological Dating (Based on Belt Sets from the 4th–8th Centuries in the Middle Volga Region)*. Samara: AVA. (Rus.).

Chindina, L.A. (1977). *The Relka Burial Ground on the Middle Ob.* Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).

Chindina, L.A. (1991). *History of the Middle Ob Region in the Middle Ages (the Relka Culture)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).

* Corresponding author.

Dobzhansky, V.N. (1990). *Composite Belts of Asian Nomads*. Izd-vo Novosib. un-ta. (Rus.).

Gavrilova, A.A. (1965). *The Kudyrge Burial Ground as a Source for the History of the Altai Tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

Gening, V.F. (1979). Chronology of Belt Sets of the 1st Millennium AD (Based on Materials from Burial Grounds in the Kama Region). *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, (158), 96–106. (Rus.).

Goldina, R.D., Perevozchikova, S.A., Goldina, E.V. (2018). *A Burial Ground of the 6th–9th Centuries near the Village of Verkh-Saya in the Kungur Forest-Steppe*. Izhevsk: Udmurt. un-t. (Rus.).

Gorbunov, V.V. (2009). Belt plaques-onlays of the Srostki culture. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*, (5), 120–130. (Rus.).

Gorbunov, V.V., Rudometov, P.L. (2003). Medieval monuments in the vicinity of the village of Kiprino. In: *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya*. Barnaul, 52–57. (Rus.).

Gorbunova, T.G. (2003). Plaques-onlays of horse equipment from early medieval monuments of Altai. In: *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk, 117–129. (Rus.).

Gorbunova, T.G. (2010). *Reconstruction of Horse Equipment of Medieval Altai Nomads: Methodology and Some Results*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Grushin, S.P., Fribus, A.V., Tishkin, A.A., and Saibert, V.O. (2020). A Comprehensive Analysis of Early Medieval Composite Belts from the Chumysh-Perekat Burial Ground (Upper Ob Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (67), 128–136. (Rus.). https://doi.org/10.17223/19988613/67/17

Ilyushin, A.M. (1999). *The Saratovka Burial Ground: Publication of Materials and Ethnoarchaeological Research Experience*. Kemerovo: KuzGTU. (Rus.).

Kassal, B.Yu., Konikov, B.A. (2018). Horse bridle from Irga. Omsk region. The era of the early Middle Ages. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki*, (3), 64–73. (Rus.). https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.3.64-73

Kilunovskaya, M.E., Bokovenko, N.A., Lazarevskaya, N.A., Sadykov, T.R., Semenov, Vl.A., Smirnov, N.Yu. (2017). Research of archaeological monuments in the Bai-Bulun tract in 2015 (Tuva archaeological expedition of the IHMC RAS). *Byulleten' IIMK RAN*, (6), 151–182. (Rus.).

Konstantinov, N.A., Seregin, N.N. (2021). The Kurai-2 Funeral and Memorial Complex (Southeastern Altai): New Materials on the History of the Turks in the Era of the Uyghur Khaganate. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (4), 229–248. (Rus.). https://doi.org/10.17223/2312461X/34/14

Kovalevskaya, V.B. (1990). Traditions of waist belts in monuments of the Kudyrgin type. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, (199), 37–46. (Rus.).

Kubarev, G.V. (1998). On the Issue of the Saadach or “Shooting” Belt of the Ancient Altai Turks. In: *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk, 190–197. (Rus.).

Kubarev, G.V. (2005). *The Culture of the Ancient Altai Turks (Based on Funeral Sites).* Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of Altai Nomads (2nd Century BC — 5th Century AD).* Novosibirsk: SO RAN. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2016). *Western Siberia in the Era of the Great Migration of Peoples (Problems of Cultural Genesis Based on Funeral Sites)*. Tyumen: Izd-vo Tyum. un-ta. (Rus.).

Matveeva, N.P., Tretyakov, E.A., Zelenkov, A.S. (2021). Evidence of Migration of a Group of Southern Taiga Populations of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages (Vodennikovo-1 Burial Ground). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 91–99. (Rus.). https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099

Mogilnikov, V.A. (1981). Turks. In: *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya*. Moscow, 28–43. (Rus.).

Ovchinnikova, B.B. (1990). *Turkic antiquities of Sayan-Altai in the VI–X centuries.* Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).

Raspopova, V.I. (1980). *Metal products of early medieval Sogd.* Leningrad: Nauka. (Rus.).

Savinov, D.G. (1998). Srostkinsky burial ground (excavations by M.N. Komarova in 1925 and S.M. Sergeev in 1930). In: *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk, 175–190. (Rus.).

Savinov, D.G., Novikov, A.V., Roslyakov, S.G. (2008). *Upper Ob Region at the Turn of Epochs: (Basandaika Culture)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S., Stepanova, N.F. (2025a). Weapons Complex of the Population of the Northern Altai Foothills during the Turkic Khaganate Era (Based on Materials from the Gorny-10 Necropolis). *Rossiyskaya archeologiya*, (2), 82–96. (Rus.). https://doi.org/10.31857/S0869606325020066

Seregin, N.N., Matrenin, S.S., Stepanova, N.F. (2025b). Tools of the population of the northern foothills of Altai at the beginning of the early Middle Ages (based on the materials of the Gorny-10 necropolis). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya*, (3), 100–114. (Rus.). https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-100-114

Seregin, N.N., Stepanova, N.F. (2021). “Elite” Child Burial of the Turkic Khaganate Era from Northern Altai. *Stratum Plus*, (5), 335–344. (Rus.).

Seregin, N.N., Tishin, V.V., Stepanova, N.F. (2022). Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (3), 103–112. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.3.103-112

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. (2005). *The Complex of Archaeological Monuments in the Biyka River Valley (Altai Mountains)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Frolov, Ya.V. (2018). A Comprehensive Analysis of a Composite Belt from a 6th–7th Century Samoyed Burial at the Strashny Yar-1 Site in the Barnaul Ob Region. *Arheologiya evrazijskih stepej*, (6), 235–240. (Rus.).

Troitskaya, T.N. (1996). Local Belts of the Upper Ob Culture Population. In: *Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri*. Barnaul, 154–162. (Rus.).

Troitskaya, T.N., Novikov, A.V. (1998). *The Upper Ob Culture in the Novosibirsk Ob Region.* Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

© Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 24.11.2025
Принята к публикации 02.03.2026
Опубликована 15.06.2026

Сведения об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный универси-тет, Барнаул, Россия.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

About the authors:

Nikolay., Seregin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Sergey S., Matrenin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Altai State University, Barnaul, Russia.

Nadezhda F., Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.